

О.Н. ЯНИЦКИЙ

Сети социальных движений в России*

Статья посвящена роли социальных движений в развитии общества, в модернизации его социально-функциональной структуры. Подчеркивается, что переход от “вертикальной” ее организации к сетевой – необходимый элемент модернизации. Предлагается концепция первичной экоструктуры как необходимого узла социальных сетей. Подчеркивается важность контактов лидера движения с прошлым, настоящим и представлением о будущем страны и мира.

Ключевые слова: мобилизация, модернизация, сети, первичная экоструктура, Россия.

The role of social movements in a society's development and its modernization is considered. The shift from the “vertical” to “network” functional structure of society seems as indispensable precondition of this modernization. The concept of primary eco-structure (in its three time dimensions) as a basic node of this network is offered and substantiated.

Keywords: mobilization, modernization, nets, primary ecostructure, Russia.

Гражданские инициативы и общественные движения – проблематика, редко обсуждаемая российскими социологами. Тем более – в современном сетевом ключе. За 20 лет вышли лишь две-три монографии (см. [Яницкий, 1991; Здравомыслова, 1993; Халий, 2007]) и не более двух десятков статей. Это объясняется тем, что власть предрержащие квалифицируют такие движения как внесистемную силу, действующую вразрез с интересами государства. Поэтому данная проблематика исключена из регулярных вузовских курсов (или глубоко запрятана в курсы по публичной политике), из тематики многих российских институтов, социологических конференций и конгрессов.

Между тем изучение социальных движений – одно из магистральных направлений в западной социологии. Д. Порта, М. Диани, Д. Дженкинс, Б. Кландерманс, Д. Макадам, М. Кастельс, Б. Кландерманс, Х. Кризи, С. Тарроу, А. Моррис, К. Мюллер, Т. Ольсен, А. Турен, Ч. Тилли [Porta, Diani, 2006; Politics... 1989; Social... 2003; Castells, 2000; Klandermans, Kriesi, Tarrow, 1988; Frontiers... 1992; Olsen, 2005; Touraine... 1983; Tilly, 2004] и другие ведущие социологи не только систематически изучали эти движения на протяжении последних 25 лет, включая все многообразие их национально-освободительных и революционных видов, но и создали за это время ряд капитальных теоретических трудов. Они читали и читают соответствующие курсы в вузах Европы и США, создали международную исследовательскую сеть по изучению социальных движений, включая исследовательские комитеты в Международной и Европейской социологических ассоциациях, систематически издают обобщающие теоретические статьи в международных специализированных журналах (типа Mobilization)

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта “Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал” Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 09-06-00061а).

и т. д. В последние годы фокус их теоретического интереса смещается одновременно в двух направлениях: компаративный анализ – как движений в развитых странах, так и в мире в целом, и сетевой анализ, приобретающий в связи с развитием информационных технологий первостепенное значение¹.

Объяснение этого непрекращающегося интереса западных социологов простое: гражданские инициативы и социальные движения – важнейший институт гражданского общества, играющий ключевую роль в разных формах модернизации и социальной эволюции общества в целом и, соответственно, постоянно требующий теоретического осмысления. Если перед Россией и ее учеными стоит задача модернизации общества, то она не может быть решена директивно, но требует широкого общественного движения снизу, а не только усилий властвующей элиты и молодого кадрового резерва Правительства РФ.

Не имея возможности в одной статье охватить этот огромный пласт социальной жизни страны, я сосредоточу внимание на теме, которая вообще практически не обсуждалась нашими социологами. Речь идет о проблеме “индивид–движение”, то есть о проблеме включения и/или вовлечения граждан в эти движения в условиях специфического российского социально-политического контекста. Тема вовлечения (рекрутинга) важна потому, что этот процесс в значительной мере определяет силу движения, его успех на публичной арене. Тему рекрутинга я рассмотрю в сетевом ключе, поскольку все новые социальные движения имеют сетевую организацию. Сетевизация – необходимый элемент модернизации. Наконец, я буду апеллировать к эмпирике по экологическому движению России (ЭД), так как по своей онтологической сути оно действительно находится в оппозиции к режиму. Статья написана в компаративном ключе, имеющем несколько целей: сопоставить подходы к названной проблеме у “них” и у “нас”, объяснить выявленные различия различиями в отношениях “государство–гражданское общество” и попытаться заполнить некоторые лакуны в теоретическом анализе моих западных коллег. При написании статьи использован архив интервью с гражданскими активистами и документов социальных движений, накопленных мною за прошедшие четверть века.

Сети на микроуровне

Для анализа межличностных сетей некоторого актора необходимы соответствующие теоретические инструменты. Таковыми могут служить концепции “первичной экоструктуры” (далее – экоструктура или ПЭ), предложенная мной еще в конце 1980-х гг. [Яницкий, 1986; Yanitsky, 1988] и лишь в 2009 г. тестированная эмпирически.

Дело в том, что требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к индивиду, делают необходимым наличие некоторого “устройства”, одновременно повышающего его когнитивный, культурный и организационный потенциал и возможности социального действия, защищающего от чрезмерного давления среды. Экоструктура как раз и является таким мультипликатором и защитником этих потенциалов индивида. Повышение индивидуальных возможностей индивидов достигается посредством создания сетей для кооперации их усилий с другими индивидами (группами), а также для облегчения доступа к коллективным социальным сетям. Эти сети также становятся инструментом отбора наиболее эффективных социальных и политических ноу-хау. Возникающая таким образом *устойчивая микроструктура* связей индивида функционирует в режиме концентрации универсального и глобального в местном и индивидуальном.

Концепция экоструктуры отвечает императиву расширения информационных возможностей индивида. Человек середины XXI в. с момента рождения будет находиться в своего рода *информационном коконе*, выполняющем функции его воспитателя, помощника и защитника от информационных шумов и перегрузок. Фактически такая

¹ Мое представление о соотношении теоретических исследований российских и западных социологов по данной теме см. в [Yanitsky, 2010].

оболочка начинает формироваться уже сейчас как индивидуальная информационная поддержка, база данных и знаний. Все усложняясь, она превращается в “расширенное продолжение оригинала”, помогающее ему в развитии. Нормативно, первичная экоструктура может быть определена как форма организации сетей индивидуального актора, позволяющая ему (в нашем случае – активисту движения) *максимизировать свои жизненные ресурсы* и достигать своих целей, не выходя за рамки нормы жизненного процесса, то есть совмещать развивающие, воспроизводственные и защитные функции [Яницкий, 2009].

Согласно разработанной мною методике, контакты ПЭ были разделены на **контакты с прошлым, настоящим и будущим**. По результатам анализа анкет и интервью, среди контактов с прошлым (по их частоте) первое место занимают общение с семейным прошлым (через архивы, письма, рассказы родных или друзей семьи), обращение к прошлому общества (через публикации, архивы, письма, устные истории, СМИ или Интернет) и обращение к фактам и событиям собственного прошлого как активиста. Это говорит о том, что несмотря на Интернет и другие источники информации, активист более всего доверяет информации о том, что произошло именно с ним и/или его ближайшим окружением. В малых городах и поселках по частоте выделяется общение со *старшими* коллегами-активистами, сверстниками по школе, поселку и т.п., что естественно для российской провинции. Причем в одном из опросов мы просили разделить чисто деловые контакты и контакты “идентичности”, то есть когда в ходе обсуждения с единомышленниками целей и стратегии действий группы одновременно между ними происходит обмен деловой информацией, нужной каждому. Такие “комплексные” контакты также были наиболее часты со *старшими* коллегами-активистами.

Вариации в зависимости от возраста естественны. Молодые активисты ставят на первое место общение с преподавателями и сокурсниками-активистами, активисты среднего возраста – с учеными и коллегами-единомышленниками, активисты старшего возраста – с молодыми активистами, которые, как они надеются, продолжают их дело.

На втором месте находятся контакты с друзьями и близкими (если мы вспомним историю ДОП, то общение со старшими всегда было на первом месте). С этим согласуется частота контактов с учеными и другими профессионалами охраны природы. На третьем месте по частоте обращения (периодически) находится собственно Интернет. В современных условиях неопределенности ситуации, недоверия к информации, поступающей из властных и бизнес-структур, а также из СМИ, этот вывод представляется закономерным. Его можно обосновать по-другому: личный опыт, свой или единомышленников, сегодня наиболее надежен. Другой вывод состоит в том, что в российских условиях прошлое (особенно история семьи или опыт группы активистов) скрепляет экоструктуру активиста. Это противоречит выводу З. Баумана и других современных западных теоретиков о том, что человек в условиях модернити ориентирован прежде всего вовне и на переключение контактов. Значит, мы еще не дозрели до этой стадии, и личный опыт, а также свидетельства близких и контакты с ними имеют первостепенное значение. Я не думаю, однако, что это – признак нашей “отсталости”.

Контакты с “настоящим” я разделил на односторонние и двусторонние. Как и ожидалось, на первом месте по частоте были контакты с коллегами по совместной работе (проект, экспедиция, акция), что понятно, потому что именно через них накапливается индивидуальный и групповой *социальный капитал*. Неожиданно почти столь же частыми оказались контакты для *внепрофессионального* общения, развития собственного “Я”. Значит, активисты при всей напряженности их работы успевают общаться с друзьями, читать художественную литературу и даже путешествовать. Контакты для поддержания своего имиджа в обществе их мало занимают, потому что они убеждены в необходимости и правоте своего дела. На третьем и четвертом местах – контакты с представителями властных структур и бизнеса. Представители этих структур видели в

контактах с активистами лишь пользу (выгоду) для себя, но никак не для дела охраны природы! Активисты отмечали, что эти контакты – вынужденные, они дают многое для понимания ситуации в обществе, но мало для их профессионального роста.

Вероятно, предложенное мною деление односторонних контактов активистов на “включение в мир” и “отключение от него” оказалось не слишком удачным. Тем не менее на первое место во “включении в мир” они поставили поиск новой информации и/или знаний и ведения ЖЖ, дневников, личного архива. Это, с точки зрения нашей концепции экоактивиста, – принципиальный пункт. Значит, они в своей практике охраны природы по-прежнему опираются на науку и считают рефлексию по поводу своей деятельности важнейшей задачей. Могут возразить: они просто ведут полевые дневники. Верно – ведут, но этим данные записи не ограничиваются, особенно с появлением IT-технологий. На последнее место они поставили проблемы жизнеобеспечения (поиск работы или приработка в фирмах или научных институтах). Это не значит, что данные проблемы их не интересуют. Ситуацию надо трактовать так: активисты, как правило, материально обеспечены на своей основной работе и не озабочены поиском приработка, как, например, многие ученые и преподаватели. Причем эту позицию оценили одинаково и молодые активисты из больших организаций, и активисты старших возрастов из российской глубинки. Ясно, что у первых всегда есть работа, а у вторых есть “служба” (или пенсия), а защитой природы они занимаются в свободное от работы время. Активистам из глубинки явно не хватает площадок для *самореализации* (доклады, презентации, публикации, участие в престижных проектах и т.п.), то есть контактов, сетей, связей с себе подобными. Есть и другой важный *сетевой* аспект. В первом случае очевидно, что новый проект или другой заработок *связан с общением в сетях*, тогда как во втором – почти никогда (за исключением случаев, когда западные фонды заказывают проект какой-то особо важной, с их точки зрения, местной группе, но такое случается чрезвычайно редко).

Что касается “отключения от мира”, то есть некоторого состояния рефлексии в (относительном) одиночестве, то здесь различия между молодыми и старыми невелики. Все же молодые прежде всего думают о способах “повышения результативности своей природоохранной работы”, затем идут “сортировка и обдумывание уже накопленных ими информации и знаний” и “оценка достигнутого данным активистом лично”. Подчеркну еще раз: все возрастные и иные группы рефлектируют и тем самым накапливают свой социальный капитал. Но активистам из глубинки, где давление власти сильнее, остро не хватает собеседников. Вот почему они так ценят неформальные встречи и семинары.

Что же касается контактов с будущим, то я их разделил на мысленные (размышления о будущем) и обдумывание своих реальных действий относительно будущего. Поначалу кажется странным, что размышления активистов “о будущем российского общества в целом” и “размышления о своей будущей карьере” получили один и тот же ранг “часто”. Но затем понимаешь: для них эти вещи тесно связаны. Если российское общество будет “экологизироваться”, то активисты будут востребованы как профессионалы (эксперты, педагоги) и как эколополитики. Если же оно будет стагнировать, продолжая ресурсную политику, то им остается роль оппонентов власти.

Приведу примеры дополнений, сделанных самими активистами к вопросу о других формах мысленного контакта с будущим:

– *“поиск реализуемых практик, эффективность которых можно оценить, а также проанализировать их применимость в своем регионе”;*

– *“отслеживание законотворческих инициатив. Увы, это сжирает колоссальное количество времени и не приносит удовлетворения. Сплошное разочарование. Все инициативы (сверху. – О.Я.) направлены на узаконение уничтожения чего-нибудь полезного с краткосрочным (экономическим. – О.Я.) эффектом и стратегическими потерями для природы и общества. Каждый раз кажется, что удастся как-то остановить это безобразия, повлиять, но это оказывается невозможно. И это про будущее, которого все меньше и меньше”;*

– “поиск новой стилистики активности в условиях, когда традиционная поставлена на границу допустимости, маргинализована и обозвана “экстремизмом”... (из интервью, 2009 г.)

Среди форм обдумывания своих *реальных* действий относительно будущего на первое место вышли “работа над проектом собственного будущего, включая планирование карьеры и личной жизни” и “стажировка или работа за рубежом”. Так что “индивидуальный жизненный проект” (У. Бек) у русских тоже был и есть. У активистов старшего поколения “работа над проектом собственного будущего”, особенно над завершением своих начинаний (школьных лесничеств, детских кружков), также занимает важное (второе) место, а “стажировка или работа за рубежом” – самое последнее. Вот тут и обнаруживается различие между транснациональными и местными активистами. Первые не только включены в глобальные сети, но и сами создают их, вторых же только иногда “зовут” туда в качестве временных исполнителей (своего рода гастарбайтеров). Сами же они, в силу незнания английского языка, не владея компьютером и часто не имея выхода в Интернет, иначе и не могут себя вести.

Таким образом, и при детализации жизненного уклада первичной экоструктуры (ПЭ) на прошлое, настоящее и будущее подтверждается ранее высказанная мною гипотеза, что в российских условиях ПЭ – базовый, ключевой элемент социальных сетей, ориентированных на охрану природы и местных сообществ. ПЭ – “мастерская”, в которой накапливаются, сохраняются, обрабатываются, создаются и распространяются (пускаются в дело) ресурсы (знания, умения, организационные навыки, связи), необходимые активисту и его группе для защиты природы. ПЭ действительно может быть определена как лично-центрированное ядро сети охраны природы.

Проблема “включения” активиста в макросети

Я исхожу из общепринятой в современной социологии позиции, что индивидуальные (личностные) сети суть результат взаимодействия макроструктурных сил (истории, институтов, социальной структуры и экономических процессов) и микро-индивидуальных процессов, то есть личностной специфики индивида (см., например, [Lubbers, Molina, McCharthy, 2007, p. 721]). Замечу, что в теории социальных сетей одни авторы акцентируют воздействие культурных факторов на формирование сетей индивида, другие – процесса социального взаимодействия как такового (*relational sociology and action-network theory*, соответственно) [Mutzel, 2009, p. 872]. Но оба они базируются на принципе макро-микровзаимодействия.

Теперь непосредственно о сетях социальных движений. Однако – каких именно? В западной социологии разделение на старые и новые движения (*old and new social movements*) считается общепринятым (см., например, [Tilly, 2004]). Но в России за время двух поколений сменилась целая эпоха, а может быть, и две, считая короткий период демократического подъема 1987–1991 гг. За тот же период времени в нашей стране появился Интернет и его массовый пользователь. Из так называемых старых движений рабочего почти не осталось, профсоюзное формируется заново. Вместе с тем возникло множество новых социальных и политических движений самой разной направленности. Но новых – не значит подобных тем, что таковыми считаются на Западе. Даже российское ЭД – одно из самых устойчивых – меняло свой социальный состав и политическую окраску. Поэтому далее я ограничусь проблемой включения в сети именно этого движения, привлекая по возможности материалы, касающиеся других движений и сил.

Если рядовой пользователь может включаться в Интернет непосредственно и “бродить” по нему бесконечно долго, испытывая лишь технические трудности поиска нужной информации (людей, сообществ), то для эоактивиста это лишь половина дела. Деятельная, активистская позиция, направленная на охрану природы, вынуждает его искать единомышленников и объединяться в группы и общественные дви-

жения. Собственно говоря, так и возникают *сети охраны природы* правозащитных и других новых социальных движений.

В России вхождение индивида в подобные сети – не простое дело, так как членство в них автоматически влечет за собой риски санкций и даже утери личной свободы, связанные со вступлением в любое оппозиционное общественное движение. Степень риска зависит от социально-политического контекста. Если на Западе членство в различных общественных объединениях – норма, то в России ситуация существенно иная. Коротко говоря, такое членство в России есть мобилизация и готовность к борьбе. Рассмотрим это различие на конкретном теоретическом примере, основанном в обоих случаях на обобщении большого эмпирического материала. Начну с общеметодологических вопросов.

Универсальны ли сети? Ф. Пасси утверждает, что сети суть универсальное средство: “Коль скоро индивид интегрирован в сеть, это дает возможность ему определять и переопределять свой взгляд на мир (*framing*) и облегчать и/или выстраивать собственную идентификацию” [Passy, 2003, p. 24]. С моей точки зрения, сети – важное, но не универсальное средство (например, какие именно фреймы имеются в сети: главные, идентификационные, ситуативные или иные?) [Rucht, 1998]. Далее, фрейм индивида всегда находится под воздействием СМИ, конкретного конфликта, расстановки сил в нем и т.д. Затем, поскольку в России публичная арена для дискуссий между государством и гражданскими организациями чрезвычайно мала, каждая из них, вовлеченная в конфликт, стремится навязать участнику конфликта свое видение мира, то есть свой интерпретативный фрейм. Наконец, в условиях “текущей модернити” сети индивида меняются. Собственно говоря, в этом переключении и состоит его адаптивная функция.

Включение индивида в сеть. Схема такого включения, предлагаемая западными авторами, слишком проста: один индивид – одна организация. “Социальные сети действительно значимы для вовлечения индивида в движение... Межличностные контакты играют здесь ключевую роль... В начале процесса – для формирования или усиления идентичности индивида, что создает потенцию для участия, а в самом конце – когда индивидуальные предпочтения окончательно сформированы (индивидуальная цена участия, шансы на успех, сопутствующие риски) реально подталкивают индивида принять участие” [Passy, 2003, p. 21–22]. Это фактически “линейная” концепция, не учитывающая “сопротивления” контекста. Вот что говорит М. Кастельс в этой связи. Сегодня «политика упрощается, становится борьбой между политическими фигурами на арене СМИ. Но политика на этой арене требует упрощенных “посланий”, простейший из которых – имидж. Наипростейшим индивидуализированным мессиджем является личность... Наиболее мощное политическое оружие – негативный мессидж. В свою очередь, наиболее эффективным негативным мессиджем выступает репутационное убийство личности оппонента и/или поддерживающей его организации... Политика скандалов занимает центральное место в политической борьбе на арене СМИ в тесном взаимодействии с прокурорами и судьями, этими новыми звездами наших мыльных политических опер» [Castells, 2000, p. 13].

В России ситуация именно такая, рискованная, прежде всего потому, что “решение” об участии принадлежит чаще всего не индивиду, свободно выбирающему организацию, куда он, взвесив “за” и “против”, хотел бы вступить, а *ситуации*, которая ему навязана сверху, то есть социально-экологическому *конфликту*. Трансформация индивида в активиста происходит именно в ходе конфликта (с властями или бизнесом).

Решаясь на такой шаг, индивид сразу начинает испытывать давление с разных сторон. В частности, необходимо принять во внимание:

– обязательное существование ядра ЭД, профессионально и политически подкованного;

– структуру организации российских “зеленых”, которые состоят по крайней мере из семи групп, различающихся по идеологии и тактике [Yanitsky, 2005], следовательно, индивид попадает в ситуацию выбора;

– “среду” ЭД, состоящего из множества противостоящих ему сил и контрдвижений, часто действующих как его “двойники”;

– как правило, негативное отношение бизнеса, власти и части академического общества к ЭД.

Отсюда модель включения индивида в движение, предложенная Пасси, представляется мне ошибочной, потому что, во-первых, процесс вступления в ЭД не имеет ни “начала” ни “конца”; во-вторых, все подсчеты активистом “риска участия” начинаются задолго до акта его формального вступления в ЭД и являются перманентными, поскольку и активист, и сами ЭД постоянно изменяются под давлением обстоятельств.

Зависимость участия от контекста. Подход Пасси внеконтекстуален, так как предполагает, что “участие осуществляется вне зависимости от политического режима”. Поэтому, полагает она, социальные сети позволяют индивиду “участвовать” даже в условиях недемократических режимов, если для этого есть “окно возможностей” [Passy, 2003, p. 21]. В России “зеленые” находятся под постоянным давлением власти. Поэтому степень вовлечения и форма участия активиста зависят от:

– степени отчужденности (*alienation*) контекста;

– соотношения между законом и неофициальными правилами игры (по понятиям), установленных криминалом;

– разделения электората на “сторонников власти”, системную, внесистемную оппозицию и экстремистов; практически все демократические движения рассматриваются как противники власти;

– “окно возможностей”, о котором говорит Пасси, ничего не значит вне конкретной цены возможности участия, определяемой по тем же понятиям.

Открыт ли всем доступ к сетям? В отличие от лозунга западных демократий “Доступ к сетям открыт для всех!”, когда власть ведет диалог даже с экстремистами, у нас доступ к диалогу открыт только для тех, кто лоялен властвующей элите. Фактически в России сети разделены на легальные и нелегальные.

Методология Пасси страдает также редуccionизмом. Она полагает, что фактически всякий контекст может быть представлен как сеть или система сетей. Я полагаю, что материальная среда обитания, включая пользу или вред, которые она может нанести природе и человеку, не может быть сведена к сетям. Аналогично, не все социальные действия сводимы к сетям – например, социальные решения или действия, спровоцированные природными факторами (наводнения, землетрясения), социальный контекст или созданная им ситуация, вызванные силовыми действиями.

Различие темпоритмов жизни обывателя и активиста движения. Пасси исходит из того, что они примерно одинаковы. То есть решение стать членом движения принципиально не меняет ритма жизни индивида, ставшего активистом. В России вследствие указанных выше взаимоотношений государства и гражданского общества эти ритмы резко различаются. Активист всегда испытывает дефицит времени. Он вынужден подчиняться ритмам действия бюрократической машины, экспертизы, общественных слушаний, проектных контор, местных органов власти и т.д. Он не может предугадать, откуда придет опасность и с какой скоростью он вынужден будет на нее реагировать. Периоды томительного ожидания сменяются краткосрочными периодами всеобщей мобилизации: “власть всегда играет белыми”. Кроме того, активист должен жить и работать в ритме функционирования движения, к которому он принадлежит. Общее у ритмов повседневности и активизма только одно: их нелинейность, неопределенность. Конечно, в ЭД, как и во всяком движении, есть разделение труда и своя бюрократия: ритмы жизни кампейнера, лидера направления или конкретного проекта, пресс-секретаря и независимого эксперта различны. Но в России эти роли активисты часто совмещают вследствие дефицита кадров.

Рыночная форма общественного участия vs морально-этическая. Теоретически и там, и здесь можно быть лидером, рядовым активистом, входить в “группу поддержки”, сочувствовать или просто сторонним наблюдателем, в случае успеха (кампании или др.) получая от этого какую-то выгоду (*free rider*). Но есть и большие различия с Западом, где все большее распространение получает “рыночная” форма участия: индивид вносит в некоторую фирму деньги, а она сажает за него дерево, делает взнос на создание дамбы или другого природоохранного мероприятия. Другая форма – анонимное спонсорство, практикуемое, например, Гринписом. Тем самым индивид, не меняя своих привычек, становится “активистом”. Однако в России все иначе: монетарная форма участия не распространена ввиду бедности населения. Не “свободный выбор”, а “моральный выбор” – вот основа поведения российского активиста. Ясно, что активистом по убеждению сразу не становятся, это определяется семейной традицией и прошлым опытом общественного участия в протестных акциях.

Ступени вхождения в социальное движение. Во-первых, точка зрения Пасси представляется “финалистской”: в конечном счете, сам индивид решает, вступать или нет в данную организацию. В России общественная организация может или принять, или отвергнуть данного индивида. Причем знание о его прошлой активности и идейной позиции оказывается здесь решающим. Во-вторых, Пасси предполагает, что благодаря сетям индивид ранее уже получил надлежащую социализацию. Для российского ЭД характерна социализация-в-действии, то есть в *природоохранном действии*. Причем принципиально важно, что в ходе борьбы организация постоянно меняет какую-то часть своих сетей, одни могут актуализироваться, другие – “замораживаться”. Далее, Пасси рассматривает ситуацию “индивид–организация”, тогда как для России более характерна ситуация “группа–организация”, которую чаще всего эта группа и создала. Наконец, самое главное: если на Западе контекст “спокойный”, то у нас, скорее, “мобилизационный”.

Отсюда и различие в ступенях “вхождения” в движения. По Пасси, их три: первичная социализация, структурная связь с организацией (то есть вхождение в ее сеть) и собственно решение индивида стать членом организации. Возникает ряд сомнений: эти ступени не имеют общего знаменателя; процесс “вхождения” – не линейный, ключевой момент тут – участие или неучастие индивида в данном социально-экологическом конфликте; все три переменные зависят от наличных ресурсов и прежних успехов организации; проблема *free rider* даже не обсуждается; в России решение участвовать чаще всего не индивидуальное, а групповое. Наконец, сам факт членства – не решающий, так как спорадически “участвующий” активист может значить для ЭД много больше, чем его регулярный член, если первый обладает критически важным для движения ресурсом (информацией, связями и др.).

Доверие и смыслы, порождаемые общением в сетях. Пасси права, когда говорит, что доверие – ключевой момент при выборе индивидом тех или иных связей (сетей) [Passy, 2003, p. 41]. Кстати, предложенная мною выше концепция первичной экоструктуры есть экспликация тезиса Э. Гидденса о необходимости для индивида кокона основополагающего доверия. Но далее Пасси, ссылаясь на Х. Уайта [White, 1992, p. 67], упрощает концепцию, когда говорит, что социальные сети есть сети смыслов (*meanings*). М. Диани более точен, полагая, что *смыслы* рождаются на базе интерпретации нарративов, которые связывают воедино акторов, события и инициативы. Однако, замечает он, смыслы могут изменяться, будучи включены в иные сети репрезентации [Diani, 2003, p. 301]. Что касается доверия, то это сложный и не вечный феномен. В России он формируется под воздействием индивидуального и семейного прошлого, длительного взаимодействия индивида с кругом самых разных людей, познания им структуры политических возможностей и оценки наличных ресурсов. Поэтому доверие – социальный капитал, который периодически изменяется. Во многих случаях доверие – еще и локализованный капитал, поскольку он является своего рода амальгамой представлений местного сообщества о сущном и должном, прошлого личного и группового опыта, знаний, веры и оценки ситуации на месте.

Диани обращает внимание на связь концепции смысла и ментальных карт (*cognitive maps*). “Концепция смысла стимулирует рефлексию относительно отношений социальных сетей и ментальных карт, посредством которых акторы осмысливают и категоризируют их социальную среду, помещая себя в систему более широких связей и взаимодействий” [Diani, 2003, p. 5]. Но опять же, возвращаясь к российским реалиям, этот подход годится только для ситуации стабильности и фиксированных связей, когда активист может спокойно “категоризировать” среду своего обитания и строить ментальные карты. В ситуации неопределенности и мобилизации, а часто – просто катастрофы, индивид не имеет такой возможности, так как привычные связи разрушены, а наличные ментальные карты потеряли смысл.

Российские социальные движения в новом контексте

Гражданские инициативы и социальные движения – движитель общественного развития, важнейший институт гражданского общества, играющий ключевую роль в социальной эволюции общества в целом и, соответственно, постоянно требующий теоретического осмысления. Если перед Россией стоит задача модернизации общества, то она не может быть решена без широкого общественного движения “за” и “против”, а значит – его углубленного социологического анализа. Под давлением политического прессы отечественные социологи сильно отстали в изучении этих общественных сил.

Интернет как всемирная паутина и сети, выстраиваемые социальными движениями, – не одно и то же. В России доступ к Интернету пока политически практически не ограничен, тогда как сетевые сообщества, создаваемые оппозиционными политическими движениями, а также движениями за права человека и сохранение природы, находятся под пристальным вниманием силовых структур. Поэтому последние можно квалифицировать как направленные или целеориентированные сети.

Появление Всемирной паутины и доступ к ней сильно индивидуализировали российское общество: каждый получил техническую возможность искать и использовать нужную ему информацию. И в этом российское общество приблизилось к западному. Но одновременно Интернет резко расширил возможности формирования общностей вне зависимости от места жительства и расстояния между общающимися. Возник теоретический вопрос: как индивид или малая группа будут выстраивать свои сети общения в этом новом социальном и информационном пространстве?

Теоретически ситуация, в которой индивид оказывается один на один со Всемирной сетью, вполне возможна. Однако при ближайшем рассмотрении он, как правило, имеет свою защитную сетку, которая одновременно становится его инструментом накопления социального капитала и средством самоидентификации в меняющемся мире. Я назвал этот индивидуализированный кокон “основополагающего доверия” первичной социально-экологической структурой. Ее ядром может быть как отдельный индивид, так и малая группа. Не территориальная близость, а сходство взглядов на мир и потенциальная возможность увеличения ресурса индивидуального и коллективного действия, являются здесь скрепляющим элементом.

В отличие от мнения З. Баумана и некоторых западных теоретиков, полагающих, что в условиях “текущей модернити” индивид живет только *настоящим* и строит свой план жизни в зависимости от степени ее неопределенности, я полагаю, что его жизненная стратегия детерминирована также его прошлым и представлениями о будущем. Опора на прошлое отнюдь не означает привязанности актора к традиции: прошлое – одновременно ресурс и точка отсчета для самоидентификации в изменяющемся реальном и ментальном пространстве.

Всемирная паутина – несомненно новый социальный контекст. Но я не могу согласиться с моими западными коллегами, что любой контекст можно представить как сеть. Материальный, равно как и политический, контекст не сводим целиком к той или иной конфигурации сетей. В действительности в жизни общества и отдельного чело-

века всегда есть триада условий их жизнеобеспечения: ресурсы, сети и обжитые, то есть социально упорядоченные и культурно специфические, места, одно из которых – экоструктура. Если капиталы, рабочая сила, знания и информация перемещаются все стремительнее, то “подвижки” в биосфере, с ее недрами, лесами, реками, морями и океанами чревато рисками разрушения социальных сетей и потерями человеческого капитала. Другое дело, что политические катаклизмы и природные катастрофы, разрушая сложившиеся связи, порождают другие виды сетей (мобилизационные, дискуссионные, защиты и т.д.)

Если на Западе превращение обывателя в активиста – рутинный и упорядоченный процесс, потому что социальные движения – норма эволюции демократического общества, более того, членство в нескольких общественных организациях стало нормой повседневной жизни, то у нас превращение обывателя в активиста означает слом привычного образа жизни, резкое повышение его рискогенности. Если на Западе участие может быть ограничено членскими взносами или актом благотворительности, то в России оно означает превращение обывателя в гражданина, борца за права людей и природы. Отсюда и различие в ритме и ступенях вхождения индивида в социальное движение: если на Западе это акт свободного выбора и поэтому может быть рационально структурировано, то в России оно чаще всего носит мобилизационный характер и осуществляется в условиях дефицита времени и ресурсов. Термин “мобилизационный” не имеет в данном случае негативной коннотации. Напротив, речь идет о сознательном выборе активной жизненной позиции, требующей постоянного пополнения своего информационного потенциала и навыков коммуникации в изменяющемся мире. Подчеркну еще раз: я говорю о движениях, так или иначе направленных на модернизацию нашего общества. Сегодня российские социальные движения достаточно профессиональны, организованы и выполняют множество функций, начиная от образовательных и до разработки проектов повестки дня будущего. С моей точки зрения, людей, действительно готовых участвовать в модернизации страны, надо искать именно в этой среде.

Наконец, о доверии и смыслах, порождаемых в движенческих сетях. Российская интеллигенция в течение второй половины XIX и всего XX в. была мотором социальных движений, борющихся за права человека и сохранение среды обитания, то есть делом заслужила доверие к себе. Информационных технологий тогда еще не было, но были сети человеческого обмена и общения через науку и пропаганду знаний, кино, литературу. Сохранение человеческого облика и достоинства в нечеловеческих условиях – вот каков был смысл усилий “книжной культуры”. Но с открытием России миру, с появлением информационных технологий, с резким размежеванием на богатых и бедных ситуация изменилась, коллапс науки и ее просветительской функции лишь усугубил ситуацию.

Поэтому сегодня речь идет далеко не только об объединении образованных и “высококолых”. Отнюдь нет: как свидетельствуют ведущиеся уже в течение 10 лет Лондонской школой экономики и политических наук исследования под общей шапкой “Глобальное гражданское общество” (см., например, [Global... 2007–2008]), в мире шаг за шагом объединяются трудящиеся массы, названные западными социологами “экссклюзив” – этнические сообщества Латинской Америки, крестьяне и фермеры, мигранты и вынужденные переселенцы, а также бесправные и безработные, то есть те “лишние” люди, которых некогда З. Бауман назвал “отходами навсегда” [Bauman, 2004]. То же происходит и у нас: объединения обманутых дольщиков, мигрантов, этнических меньшинств и массовые протесты против уничтожения природы по всей стране. Как известно, скорость эскадры определяется ее самым тихоходным кораблем. Десяток самых лучших “кремниевых долин” и пустыня “экслюзии” – вещи несовместимые. Модернизация требует не только лидеров, но среды, благоприятных социальной почве и политического климата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
- Халий И.А.* Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М., 2007.
- Яницкий О.Н.* Социальные движения. Сто интервью с лидерами. М., 1991.
- Яницкий О.Н.* Социальный капитал российского экологического движения // Социологический журнал, 2009. № 3–4.
- Яницкий О.Н.* Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы // Рабочий класс и современный мир. 1986. № 4.
- Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, 2004.
- Castells M.* Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. No. 1.
- Diani M.* Leaders or Brokers? // Social Movements and Networks. Oxford, 2003.
- Frontiers in Social Movement Theory. New Haven, 1992.
- Global Civil London, 2007–2008.
- Klandermans B., Kriesi H., Tarrow S.* International Social Movement Research. London, 1988. Vol. 1, 2.
- Lubbers, M.J., Molina J.L., McCharthy Ch.* Personal Networks and Ethnic Identifications. The Case of Migrants in Spain // International Sociology. 2007. Vol. 22. No. 6.
- Mutzel S.* Networks as Culturally Constituted Processes. A Comparison of Relational Sociology and Action-network Theory // Current Sociology. 2009. Vol. 57. No. 6.
- Olsen Th.* International Zapatismo. The Construction of Solidarity // The Age of Globalization. London, 2005.
- Passy Fl.* Social Networks Matter. But How? // Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action. Oxford, 2003.
- The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements. Minneapolis, 1989.
- Porta D. della, Diani M.* 2006. Social Movements. Malden (Mass.), 2006.
- Rucht D.* The Strategies and Action Repertoires of New Movements // Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies. Cambridge (Mass.), 1998.
- Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action. Oxford, 2003.
- Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, 1987.
- Tilly Ch.* Social Movements, 1768–2004. London, 2004.
- Touraine A., Dubet F., Hegedus Z., Wieviorka M.* Anti-nuclear Protest. The Opposition to Nuclear Energy in France. Cambridge, 1983.
- White H.* Identity and Control. Princeton, 1992.
- Yanitsky O.* Towards Creating a Socio-ecological Conception of a City // Cities and Ecology. The International Expert Meeting. Souzdal, September 24–30, 1988. Moscow, 1988.
- Yanitsky O.* Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow, 2010.
- Yanitsky O.* The Value Shift of Russian Greens // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15. No. 2.